

О.А.ВОРОНКОВА

СЕТЕВАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Аннотация. Основной целью статьи является анализ развития сетевого дискурса и факторов влияния на изменение социальной ментальности. Обосновывается тезис, что в современной сетевой реальности, определяемой как многомерное и полицентричное пространство коммуникативного взаимодействия, происходит переход на качественно иную стадию социально-политического развития – от жестких, нормативно-ролевых механизмов регуляции взаимоотношений к гибким, дискурсивно-смысловым. Сетевые дискурсивные процессы меняют когнитивный контекст, а вслед за этим и онтологический: сейчас не просто бытие определяет сознание, но и качество бытия определяется уровнем зрелости общественного сознания.

Рассматриваются вопросы сетевой идентификации и становления сетевой культуры взаимоотношений, основанной на формировании сетевой логики аксиологического выбора, вытесняющей логику диктата и силового давления.

Используется методология дискурс-анализа сетевой блогосферы для выявления ментальных сдвигов в массовом сознании.

Вывод: становление сетевой культуры и преодоление несовместимости мировоззренческих матриц и дискурсивных конфликтов на раннем этапе возможно не путем разработки механизмов тотального контроля, запретов и ограничений, а лишь при условии постепенного выравнивания стилей и образов жизни и последующем переходе общественного сознания на новый эволюционный уровень, на котором становится принципиально возможным достижение социального консенсуса.

Ключевые слова: сетевой дискурс, массовое сознание, сетевая идентичность, сетевая культура, аксиологический выбор, социальный консенсус.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Информация об авторе: Воронкова Ольга Алексеевна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИС ФНИСЦ РАН), адрес: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, e-mail: olga.voronkova1001@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1165-1768

Цит.: Воронкова О.А. Сетевая реконструкция социальной ментальности // Среднерусский вестник общественных наук. 2024. – Том 19. – № 2. С. 14–31. DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-2-14-31

© Воронкова О. А., 2024 г.

NETWORK RECONSTRUCTION OF SOCIAL MENTALITY

Abstract. *The main purpose of the article is to analyze the development of network discourse and factors influencing changes in social mentality.*

The thesis is substantiated that in modern network reality, defined as a multidimensional and polycentric space of communicative interaction, there is a transition to a qualitatively different stage of socio-political development - from rigid normative role mechanisms for regulating relationships to flexible discursive and semantic ones. Network discourse processes change the cognitive context, and subsequently the ontological one: now it is not just "being" that determines "consciousness," but also the quality of "being" is determined by the level of maturity of social consciousness. The issues of network identification and the formation of a network culture of relationships, based on the formation of a network logic of axiological choice, displacing the logic of dictate and force pressure, are considered.

The methodology of discourse analysis of the online blogosphere is used to identify mental shifts in mass consciousness.

Conclusion: the formation of a network culture and overcoming the incompatibility of ideological matrices and discourse conflicts at an early stage is possible not by developing mechanisms of total control, prohibitions and restrictions, but only under the condition of gradual alignment of styles and ways of life and the subsequent transition of public consciousness to a new evolutionary level, at which it becomes fundamentally possible to achieve social consensus.

Keywords: *network discourse, mass consciousness, network identity, network culture, axiological choice, social consensus.*

Funding information: *This study was performed without external funding.*

About the author: *Voronkova O. A., Candidate of Political Sciences, Senior Researcher at the Department for the Study of Socio-Political Relations, Center for Political Science and Political Sociology, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: olga.voronkova1001@mail.ru, ORCID ID: 0000-0003-1165-1768*

For citations: Voronkova, O. A. (2024) Network reconstruction of social mentality. Central Russian Journal of Social Sciences. Volume 19, no.2, p.14-31. (In Russ.)DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-2-14-31.

ВВЕДЕНИЕ

Сетевой дискурс, определяемый здесь как процесс взаимовлияния online и offline коммуникаций, во всё большей мере становится движущей силой глобальных трансформаций. Взаимозависимость индивидуальных и групповых идентификаций становится принципиальным условием современного типа социальных трансформаций – переформулирования принципов субъектного участия во множестве постоянно модифицирующихся сетевых контекстов жизни.

В сетевом дискурсе начала XXI века происходят процессы, подобные волнам массовой миграции из аграрных контекстов жизни в городские в XIX – XX вв. Быстрое распространение интернета привело к наполнению интерсетей огромным количеством пользователей, далеких от киберкультуры, к своего рода варварскому нашествию, что, по мнению исследователей, «привело к определенному сдвигу в рамках сетевой культуры» [8, С. 50]. Исторически варвары, вторгаясь на более развитые территории, ассимилировались в новых средах, теряя свои прежние ритуалы, привычки, образ жизни. Новые среды обитания постепенно изменяли ментальные установки и практические обычаи вторгшихся, и новые поколения уже не воспроизводили их полностью в прежней форме. И теперь, в XXI веке, под влиянием широких и быстрых коммуникативных обменов ментальные представления «новых переселенцев» на территорию интернета неизбежно меняются. Молодежь, попадая уже с раннего возраста в другие «ассоциированные среды», предлагающие новые пути социализации, формирующие новые идентичности, обретает новые источники энергии и новые направления ее приложения в социальной практике.

Введенный в научный оборот термин «ассоциированная среда» характеризует опосредующую сферу между живым «жизненным миром» и искусственно созданными цифровыми возможностями. Ж. Делез, Ф. Гваттари вводят этот термин для характеристики адаптивно-промежуточных полей в сетевом социальном пространстве. «Ассоциированные среды» характеризуются, во-первых, как *множественные*, а во-вторых, как *комплексные*. «Множественность» определяет «дискретные состояния метастабильности», организуемые иерархическими степенями внешних и внутренних сред. Процессы «ассоциации», зависящие от одной и той же внешней среды, создают разные внутренние среды, формируемые в зависимости от различных мотивов, миропредставлений, коммуни-

кативных способов обмена информацией и степеней плотности взаимодействия. Постоянно меняющиеся промежуточные состояния конституируют «эпистраты», налагаемые одна на другую, которые формируют «*новые центры для новых периферий*». «Комплексность» указывает на сложно переплетенный характер природы, общества и технологической среды, что подталкивает социум «к новым открытиям в сфере сетевой реальности» [2, С. 7–23]. М. Кастельс использует термин «сети» для обозначения комплексных структур коммуникации, образующихся вокруг набора целей, которые «одновременно обеспечивают единство цели и гибкость исполнения благодаря их способности адаптироваться к операционной среде» [3, С. 38].

«Комплексность» нужно понимать как стартовую точку разработки методологии для охвата разнообразия и переплетенности сред. Методологический подход М. Кастельса состоит «в обнаружении специфической сетевой конфигурации акторов, интересов и ценностей, которые участвуют в процессе создания власти в сети через присоединение своих властных сетей к сетям массовой коммуникации – источнику конструирования смыслов в общественном сознании» [3, С. 466–7]. Векторы разработки методологии задаются не необходимостью наполнения и содержания сред, а «*теми необходимостями, какие вызывают к жизни новый специфический стиль мышления, ориентированный на схватывание той динамики становления, которая теперь проникает во все поры социальной и политической жизни – проникает так, что стираются границы между социумом, психикой, физико-биологической и технологически изменяемой реальностью, в которой правила создаются и меняются в непрерывном процессе взаимодействий*» [4, С. 80].

Сам процесс взаимодействий представляется как конвергенция между разными уровнями и стратами реальности: социальными, психологическими, технологическими и возможными другими. В этом конвергентном процессе меняются дихотомичные и иерархичные диспозиции человека – разрушается привычная система как пространственно-временных, так и ценностно-этических координат. Виртуальный мир с его технологическими возможностями создания многомерных, часто запутанных, не всегда легко разделяемых связей, псевдо-объектов, квазисмыслов вносит серьезную долю неопределенности, если не сказать хаоса, в механизм восприятия человеком реального окружающего пространства. И термин «комплексность» характеризует потребность в создании

«высшего порядка» из хаоса «через несколько уровней интерактивности между базовыми элементами происхождения процесса» [4, С. 79]. При этом неизбежно возникают вопросы, связанные с возникновением и становлением новых эволюционно высших форм социального порядка – путей и принципов образования связей и сцеплений, новых правил или каких-то других способов взаимодействия и социальной регуляции. На данный момент эти вопросы остаются открытыми для обсуждения в сфере исследований сетевой реальности.

Б. Латур в своем широко известном труде «Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию» прямо ставит эти вопросы. В попытке разработки акторно-сетевой теории он понимает «сеть» как «циркулирующую сущность», побуждающую «каждого сетевого актора побудить других акторов делать неожиданные вещи» [5, С. 188–189]. Критикуя структурализм философов постмодерна за «автономизацию сферы дискурса», Б. Латур стремится вернуть концепцию дискурса в поле социально-сетевой реальности. Под «автономизацией сферы дискурса» Б. Латур подразумевает «превращение дискурса из прозрачного посредника, который устанавливает контакт человеческого субъекта с природным миром, в автономную сущность, где «язык стал законом для себя самого и своим собственным миром» [6, С. 159–160]. А в социально-сетевой реальности «язык» возвращает себе функцию посредника между актором и той реальностью, в которой он живет. Под словом «сеть» Б. Латур понимает связанный ряд действий, каждый участник которых рассматривается как полноценный посредник процесса становления «нового социального». Сетевая социальность – это процесс опосредования действий акторов сетевого дискурса, «работающий в режиме постоянной актуализации во времени». Каждая точка в сетевом дискурсе может стать «точкой бифуркации», источником нового действия, события или отношения. Это процесс медиации, в котором между актерами возникают и постоянно меняются отношения и производится работа по сближению и поиску способов соединения. Пытаясь нащупать пути становления сетевых ассоциаций, Латур использует метафору «плазмы» для объяснения среды циркуляции сетевых процессов. Он определяет базовые свойства сети в терминах неопределенности и реляционности, что означает изменчивость, неустойчивость, подвижность отношений в сетях [5, С. 39]. Это сближает понимание сетевых сред Б. Латура с «ризомой» Ж. Делеза и Ф. Гваттари. «Ризомы», или

множественные сетевые среды, определяемые «циркуляцией состояний», складываются не из единиц, а из измерений или, скорее, из подвижных направлений. Основным их свойством является оппозиционность «единству», т. е. центрированным системам с традиционно иерархической коммуникацией, подверженным «сверхкодированию», заполняющему «пустую нерефлексивную одномерность» [2, С. 7–23].

Это свойство вариативности и разноплановости направлений позволяет во времени и во взаимодействии противодействовать традиционной системной иерархичности, тяготеющей к состоянию застоя и окостенения. На наш взгляд, сетевая *иерархичность* внутренних «эпистрат» характеризуется уже другими свойствами. Иерархичность определяется уже не принципами субординации, не степенью обладания политико-административной властью, подкрепляемой командно-силовыми и пропагандистскими инструментами давления на социум, а новым качеством – *степенями ментально-углубленного воздействия на массовое сознание сетевыми акторами, побуждая социум к широкой коммуникации и критическому осмыслению происходящих событий*, как социальных, так и политических.

Таким образом, «комплексность» сетевой среды как основа методологического направления вызывает необходимость определения новых *сетевых центров влияния* на массовое сознание и оценки степени, качества и характера этого влияния.

Исследователи сетевой реальности призывают к поиску связей между нестабильными и подвижными системами координат или измерений, в которых циркулируют различные представления действительности. Попытки определения сети и разработки методологии ее изучения интересны и побуждают к научному обсуждению, но пока они не раскрывают характер изменений и трансформаций реальных социально-политических отношений.

Сетевое социальное сознание: пути и способы становления

Развитие сетевого общества становится важным условием перехода социально-политического развития на новый, высший цивилизационный этап эволюции.

М. Кастельс напрямую связывает вопрос определения ценностных приоритетов с трансформацией человеческого сознания. Разнообразие потенциальных источников сетевого влияния позволяет представить сетевое общество как многомерную социальную систему, в которой сети различного рода обладают «разными ло-

гиками формирования ценностей» [3, С. 44–45]. Сложные образы, формирующиеся «на основе сигналов из нескольких источников», проходят путь «нейронного связывания» – процесса синхронной активизации нейронов в различных частях мозга. «Возникающие со временем ассоциативные сети образов, идей и ощущений создают нейронные паттерны, которые, в свою очередь, формируют структуры эмоций, чувств и сознания. Таким образом, мышление в процессе создания сетей объединяет паттерны сознания с паттернами сенсорного восприятия, возникающими при контактах с материей, энергией и деятельностью, представляя собой весь наш опыт – прошлый, настоящий и будущий... Мы сами суть сети, соединенные с миром сетей», – утверждает М. Кастельс. «Эмоции, чувства и умозаключения – все они возникают в тех же нейронных процессах взаимодействия между телом и мозгом и следуют тем же правилам ассоциации и многоуровневой репрезентации, которые характеризуют динамику сознания» [3, С. 164–166].

Сетевая коммуникация, затягивая интернет-пользователя в свой круговорот, превращает его из пользователя в актора. Сетевой актер, по определению Б. Латура, тот, кто побуждается к действию множеством других акторов [6, С. 68]. Сетевая интериоризация – глубокое вовлечение в сетевую среду – неизбежно со временем трансформирует пассивного молчаливого читателя и слушателя в активного коммуникатора, а затем в субъект социальной *реконструкции* реальности – пересмотра традиций, устоев, мешающих развитию, поиска новых форм социальных взаимосвязей и способов решения проблем. Эти акторы, поставляющие в сетевой дискурс противоречащие мнения и оценки происходящих ситуаций, заставляют пользователя раскрывать и проявлять его сознательные и подсознательные резервы мышления. Становясь актором, интернет-пользователь получает возможность разворачивать свой собственный внутренний мир и выстраивать свою уникальную сетевую идентичность.

Процесс сетевой идентификации предполагает прагматически обоснованную переоценку традиционных структурных ценностей и моральных императивов. Становление сетевой идентичности есть критический, переломный момент процесса идентификации – завершение определенного этапа сетевой социализации, или субъектного ориентирования в социальном поле, внедрение и закрепление некой позиции в сетевом контексте, понимания правил игры на определенном уровне.

В сетевом контексте, где постоянно случается столкновение с *другим* осмыслением одной и той же внешне задаваемой повестки, индивидуальный *способ мышления* претерпевает внутреннюю трансформацию. Для одних акторов встреча с *другим* мнением является своего рода подарком, если мнения в чем-то или во многом совпадают, но для иных, находящихся прежде в совсем несхожей системе координат, эта встреча может оказаться ментальным шоком, за которым может последовать переход одного типа мышления в совершенно иной. Такой переход может и не последовать, если степень убежденности в своей правде достаточно высока, а аргументы другого недостаточно убедительны. Тем не менее погружение в сетевой контекст неизбежно запускает процесс *переосмысления* усвоенных ранее постулатов. Через множественность социальных миров вокруг, в их дискретности и целостности социализирующийся в сети субъект создаёт новые ориентировочные установки, на которых строится его сетевая идентичность.

Комплексная сетевая идентичность переопределяет параметры становления социальной идентичности. Она формируется уже не через пол, возраст, образование, принадлежность к этнической группе и пр., а через внутреннюю ассоциацию со сложившимся потоком смыслов и значений. В этой связи исследователи ставят проблему как «отказ от феномена Я в традиционном его понимании». «Я» «предстает не как психологически и социально артикулированный субъект, но как своего рода носитель («пучок») культурно-семиотических «кодов», впитанных им из культурной традиции и используемых в качестве интерпретационного инструментария в процедурах трактовки тех текстов, вербальных и невербальных, среди которых и посредством которых осуществляется его существование». «Я» само по себе есть «текст, сотканный из культурных кодов и интерпретационных конвенций». Сетевая гетерогенность культурной среды означает разрушение условий возможности целостного восприятия субъектом себя как аутоидентифицированной личности. Особенно остро значимым оказывается это для человека молодого, только вступающего в процесс социализации в условиях ценностно-плюралистичной сетевой культуры: будучи неспособным четко зафиксировать свою позицию по отношению к существующим альтернативным аксиологическим системам, индивид оказывается не в состоянии сформировать и матрицы самоидентификации [8, С. 260–303].

Но в то же время ощущение аксиологической неопределенности,

растерянности становится мотивирующей точкой поиска своей сетевой идентичности. Становление сетевой реальности стимулирует появление «субъектности нового типа». Расширение когнитивных горизонтов и возможностей поиска информации любого рода реформирует процесс социализации и самоопределения. «Освобождение социальных практик от различного рода регулирующих начал – «глобального целого, объединенного и объединяющего» существенно расширяет человеку пространство для творческого конструирования своей идентичности» [9, С. 278]. Важным преимуществом сетевой среды является предоставление широчайшего спектра возможностей для коммуникации разного уровня – публичной, групповой, приватной – и, соответственно, для саморазвития. Дистанционное одиночество компенсируется технической легкостью управления собственной сферой контактов, организации своего социального опыта, выбора референтных групп и, таким образом, способов самоидентификации и самореализации. Единомыслие как принцип социального сцепления и одномерность как характеристика «человека системы» отступают даже в мощно зацементированных традиционными скрепами обществах. Но при этом в разы усиливаются технические возможности манипуляции сознанием, ищущим опору в хаотичном мире. Информационные вбросы с разных сторон, интерпретационные искажения и давления обрушиваются на индивидуальное сознание, спутывают его, становясь непосильным бременем. Ментальный прорыв из традиционных стереотипов оказывается непростой задачей. От сетевой личности требуется развитие новых качеств – повышения уровня общей компетентности, коммуникативности и культуры перекрестного общения.

В новых, цифросетевых контекстах механизмы хабитуализации и институализации, описанные П. Бергером и Т. Лукманом в «Социальном конструировании реальности» в 1966 г. [1], приобретают другое смысловое качество. Сетевая реконструкция социальности переопределяет эти механизмы, а вместе с ними переформулирует задачи достижения функциональной устойчивости и стабильности развития.

Нормативно-ролевая хабитуализация, то есть интернализация заданных ценностей, норм и правил, встраивание в жесткую профессиональную структуру и систему быта, сменяется на *необходимость* поиска новой информации, ее взвешенного анализа (проверки на подлинность, фактическую подкрепленность) и затем поиска возможностей использования в социально-сетевой практике.

Концептуальное разделение процесса личностной социализации на первичную и вторичную стадии (П. Бергер и Н. Лукман) теряет свое бытийное основание, так как обе стадии сливаются в одну в условиях технологического «сжатия» временного измерения жизни и когнитивного расширения масштабов измерения пространственного. В процессе сетевой социализации меняются цели и ориентиры. Когнитивные ориентации происходят не через усвоение «правильных» ответов на заданные откуда-то сверху вопросы, а через быстрое расширение индивидуального кругозора и выработку практик участия в коммуникативных обменах. Неограниченные возможности поиска любой информации и перекрестно-сетевой процесс социальной «самокоммуникации» (М. Кастельс) объективно ослабляют необходимость в специалистах-экспертах в той или иной области знания – личных и обезличенных авторитетах – и способствуют развитию потенциала для каждого индивида стать «самому-себе» экспертом. Процесс сетевой социализации становится многомерным: с одной стороны, происходит становление индивидуальности, то есть субъектности и самодостаточности, а с другой – развитие подсознательной зависимости от множества выбранных смыслообразующих сред.

В многомерной сетевой реальности налаживание связей и отношений происходит по принципу дискретности, то есть не предполагает долговременной закреплённости ни во времени, ни в пространстве. Жизненный проект фрагментируется. Иногда фрагментация – смена области деятельности, интересов, ценностей, статусов и пр. – происходит мягко и почти незаметно, а иногда жестко и решительно, так что субъект может ощущать себя на новом этапе живущим уже в другой жизни. Технологическое обновление социальных и политических сред меняет потребности, требует адаптации к новым реалиям, поиску новых связей для облегчения адаптационных процессов. На каждом этапе новой жизни возникают необходимости в формировании интерсубъектностей, то есть отношений партнерства, кооперации для решения задач нового жизненного проекта. *Когнитивный и экзистенциальный аспекты в реализации проектов сливаются воедино.* Для освоения технологических новшеств требуется актуализация когнитивного аппарата сознания, вся структура которого перестраивается с установок на ожидание инструкций сверху, распоряжений руководства на самостоятельность мышления. Тем не менее и сетевое мышление не может быть полностью освобождено от среды. Оно

встраивается в новые тренды и течения – интермедийные мейн-стримы, задающие фоны и тоны ассоциативных сред, в которых могут меняться интерпретации тех или иных конкретных событий внешней среды, отношения оппонентов, влияющие на сознание в более общем плане. Так зарождается «экологическое сознание», меняется политическое мышление и пр. Запускаются новые механизмы управления социальной практикой.

Традиционная институализация как набор правил и схем действия в социальном пространстве, таких, например, как получение формального образования, прикрепление к системе здравоохранения, накопление трудового стажа, регистрация брака и пр., то есть выстраивания всего жизненного проекта по традиционной схеме, теряет *качество структурно-функциональной обязательности*. Жизненная реальность становится более многомерной и менее предсказуемой. Активно начавшиеся процессы цифровизации государственных услуг дополняются подобными процессами в сфере социальных услуг, что трансформирует проекты жизнедеятельности в целом и выравнивает социальные среды жизни. В социальных сферах переход к дистанционным формам меняет стиль жизни и качество жизни. Утрачивается необходимость встраивания в авторитарно выстроенные социальные институты – традиционные семейные отношения заменяются на «гражданские» и «гостевые», в которых нет четких ролевых разграничений мужских и женских функций, нет четких внутренних установок на обязательное рождение детей, продолжение рода, растворяются привычные формы отношений отцов и детей. В сфере образования всё в большей мере заявляет о себе тренд на обучение в семейных условиях с помощью интернета как «способствующий индивидуальному развитию ребенка». Основной ценностью семейной формы, как считают ее приверженцы, является «свобода во всех ее проявлениях» [7, С. 68]. А развитие интернета дает возможность мотивировать интересы и научить ребенка учиться самостоятельно, самому добывать информацию, осмысливать ее и критически оценивать. Подобные сетевые тренды развиваются во всех социальных сферах – в здравоохранении, экономике, трудоустройстве. Информация, черпаемая из интернета, часто освобождает от необходимости физического посещения разного рода учреждений – бюрократических, образовательных, медицинских. Быстро развиваются практики онлайн-лекций, консультаций и диалогов. Процессы трудоустройства облегчаются через картину востребованности тех или иных профес-

сий, наличия вакансий, рассылки резюме и портфолио. Популярными стали заказы товаров и услуг через интернет и пр.

Развитие новых трендов не лишено опасности возникновения рисков типа увлеченности самолечением или проблем с мотивацией детей к самообучению, но подобные проблемы, возникающие при любых формах социальной адаптации и практики, преодолеваются в сетях быстрее благодаря расширению технологических возможностей и облегчению путей решения.

Новая цифросетевая реальность способствует сглаживанию различий внешних сред, что приводит к нормативно-аксиологической перестройке и локальных социальных сред – реконструкции способов жизнедеятельности, возникновению новых практик. В глобальном масштабе цифросетевые технологии корректируют недостатки как планово-центричной, так и стихийно-рыночной системы – преодоление кризисов недо- и перепроизводства через совершенствование механизмов учета потребностей населения в той или иной продукции. Облегчается проектирование логистических маршрутов доставки в любую часть планеты, рационализируется контроль над распределением продукции и ее отходами в целях сохранения природной среды. В социополитической сфере происходит перестройка мировоззренческих матриц, ведущая в перспективе к изменению функций государства, вовлечению социума в процесс принятия решений.

Новые центры дискурсно-сетевых сфер начинают активно заявлять о себе в практической жизни, и не просто заявлять, а более значимо влиять на ход текущих социально-политических процессов. Они уже способны перетягивать на свои информационные каналы внимание широкой общественности, задавать медийную повестку, становясь ощутимым конкурентом официальных каналов информации и пропагандистских инструментов манипуляции массовым сознанием. В них зарождаются серьезные сомнения в непреложной истинности официально представленной информации. В перспективе вовлечение в сетевой дискурс и развитие ментальной рефлексии меняет общественные настроения, формирует альтернативное общественное мнение. И, таким образом, возводятся опоры для усиления влияния социума на ход социальных и политических изменений.

Дискурс-анализ сетевой блогосферы с очевидностью выявляет серьезные подвижки в социальной рефлексии. Эти подвижки проявляются поэтапно:

– с личностного уровня неудовлетворенности – на осознание системных изъянов через возникновение импульсов колебаний и сомнений: *«Мне поначалу казалось, что страна развивается в правильном направлении. А в последние лет пять-шесть я реально стал сомневаться в этом. А затем все сомнения растаяли как дым. Такое ощущение, что наша страна сейчас – это автомобиль, который на полном ходу несётся по встречке»;*

– через поиск альтернативных источников информации и нового знания: *«Ещё каких-то 10 лет назад я верил отечественному телевидению как самому себе. Неожиданно, правда? Тем не менее это так. Нет, я с самого начала с недоверием относился к официальным источникам информации, но в те годы моё недоверие больше держалось скорее на интуиции, нежели на фактах. Лишь в последние лет пять я сильно продвинулся в познавательном аспекте и начал понимать то, чего не понимал раньше»;*

– пробуждение потребности понимания реальной ситуации: *«Да, всё верно. Здравый смысл часто проявляется на фоне остроты болевого порога. Главное, что есть желание докопаться до правды»;*

– через отрицание официальной риторики, осознание необходимости выхода из замкнутой демагогической петли: *«А меня закалила советская пропаганда! Помню, как мы потешались над всеми этими съездами и дорогим Л.И. Брежневым. Везде все жили своей жизнью, и власть никто всерьёз не воспринимал. Поэтому телевидение смотрела, пока было НТВ, а когда его разогнали – всё, basta!»;*

– понимание природы официальной пропаганды: *«Есть у них такая интересная черта: обвинять во всех своих грехах других. А ещё вешать ярлыки и не гнушаться откровенного лицемерия». Это, друзья мои, высказывание новой красотки с федерального канала в адрес западных оппонентов. Я аж заслушался. Но дело-то в том, что фраза всецело характеризует поведение наших СМИ по отношению к окружающему миру. Это ж надо так: с удивительной точностью отзеркалить собственные недостатки, обвинив в них злейшего врага. Похоже, новая звезда ТВ быстро и хорошо усвоила азы пропагандистского мастерства»;*

– вступление в сетевой дискурс, подтверждение измененного мнения через обретение референтных сообществ: *«Как близко всё, о чем написали. Так же была далека от всего, вообще непонятно тогда было, что происходит, и легко было поддаться пропаганде. Но лучше прозреть позже, чем никогда... Когда всё началось, был*

протест из чисто человеческих ощущений, страх за близких и знакомых... А потом и всё остальное стало интересно»;

– через актуализацию когнитивных процессов, утверждение в измененной позиции: *«Мое мировоззрение начало меняться, свет рассеял тьму в голове, а фейки федеральных каналов о происходящих событиях растворились в многочисленных интервью очевидцев и профессиональных разборах ведущих экспертов. Я научился проверять информацию, при этом слушая её с обеих сторон, а также анализировать услышанное. В наше время только так можно сохранить объективный взгляд и трезвую голову»;*

– и, наконец, приложение усилий по убеждению в своей правоте других: *«Собственно, эту статью я пишу для тех, кто ещё находится в плену пропагандистских убеждений и штампов. Не нужно оголтело верить всему, что вам говорят. Необходимо думать. Задавать вопросы самому себе и искать ответы в независимых источниках информации. Анализировать и объективно оценивать происходящее».*

«Тем, кто говорит, что я зря трачу время на общение с традиционалистами, отвечаю: «Это не так». Они тоже читают подобные статьи, и после прочтения в них наверняка рождаются зёрна сомнения, а значит, любого зомби можно вернуть к полноценной жизни. Человеку свойственно менять свою точку зрения... Значит, всё не зря. Прорвёмся!»¹.

На уровне личности обостряется необходимость произведения выбора между ролью винтика в государственной машине и ролью самостоятельного субъекта, принимающего решения и берущего на себя ответственность за свою собственную судьбу. На уровне социума складывается осознание права граждан на свое слово в процессе принятия решений. Это тот внутрисистемный ресурс, который способен сыграть главную роль в исторически важном моменте реконструкции социального пространства.

Исследователи становления современной культуры оценивают развитие сетевых когнитивных трендов как трансформацию традиционной культурной парадигмы. Важным вопросом, волнующим исследователей в первую очередь, является становление *сетевой культуры* взаимоотношений.

Когнитивные и мировоззренческие матрицы сетевой реальности отличаются «мозаичной организацией», предполагающей со-

¹ Когда здравый смысл торжествует. 13 ноября. – URL: <https://dzen.ru/a/Y3C0xvM230a2-3BT> (дата обращения: 14.11.2022).

существование различных ментальных и поведенческих стратегий. Становление сетевой культуры происходит в формах самоорганизации интерсубъектности – вне навязываемых регламентаций, ограничений, контроля со стороны официозных хранителей жестких моральных кодексов и канонов. Сетевая логика подразумевает переход от этики единого кодекса, подчиняющего любое «частное» под «общее» и таким образом лишаящего «частное» права на самовыражение, к этике аксиологического и этического выбора [10, С. 260–303].

Становление сетевой этики в этом контексте возможно лишь в виде открытой коммуникативной системы. Но всё же открытость системы для альтернативных, в том числе маргинальных и взаимоисключающих точек зрения, объективно требует новых регулирующих принципов, способных предотвратить хаотичность и деструктивность. А угроза превращения свободы коммуникации в хаос и деструкцию в условиях цифровизации не только не исчезает, но и многократно возрастает. Сетевая коммуникация может формироваться как процесс поиска «истинных смыслов», так и как процесс намеренной «игры смыслами» и «псевдо-смыслами», «симулякрами», переводя на высший уровень возможности манипуляции сознанием. Под *манипуляцией* здесь подразумевается претензия на проявление разных форм власти в коммуникативном поле – намеренное разрушение тех субъектных моделей интерпретации, которые не угодны манипулятору, и навязывание (чаще всего в завуалированной форме) выгодных манипулятору векторов когнитивной и публичной активности. Нельзя не признать, что сетевые медиа в силу влияния искушений обретения власти над умами и/или коммерческого фактора так же подвержены «коррозии», как и «желтая пресса» своего времени. Сетевые медиacentры не свободны от искушения притягивания аудитории через скандальность «пикантных» фактов, изощренность подачи фейков, «видео-консервов» в качестве свежей информации и пр. для продвижения тех или иных идей и/или продажи своей продукции.

Однако с точки зрения становления сетевой культуры и этики речь не может идти о создании механизмов тотального контроля, запретов и ограничений. В долгой перспективе такие механизмы обречены на неуспех в силу технологически множущихся возможностей ухода от запретов. Любые попытки установления тотального контроля сталкиваются в сети с непреодолимыми технологи-

чески обусловленными трудностями. И если такие попытки исходят из традиционно организованных сфер власти и менеджмента, то в сетевой реальности они разбиваются о скалистые и извилистые берега различных взглядов, мнений и убеждений людей, их способности и готовности либо принимать правила, либо оказывать противодействие. Речь может идти лишь о поиске своего смыслового кластера как узлового элемента в хаотичном комплекте разрозненного пазла, для того чтобы в условной временной точке сложилась определенная картина – желаемый социумом образ реальности. Но как достичь консенсуса в вопросе желаемого образа для социума как целостности? Такой консенсус возможен лишь при условии определения аксиологических приоритетов для определенного этапа социального развития. Сетевая логика определения ценности вытесняет всякие попытки диктата и давления. Преодоление этапа несовместимости мировоззренческих матриц и острой фазы дискурсных конфликтов возможно, на наш взгляд, лишь при условии постепенного выравнивания стилей и образов жизни и постепенном переходе индивидуального и общественного сознания на новый эволюционный уровень, при котором становится принципиально реализуемым достижение социальных договоренностей и соглашений.

Библиография:

1. Бергер П, Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с. ISBN 5-85691-036-2
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург, 2010. [пер. с фр. Я. И. Свирский]; Учреждение Российской акад. наук Ин-т философии РАН. Сер. Philosophy, У-Фактория. – 895 с. ISBN 978-5-9757-0527-3, 978-5-271-29213-2.
3. Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие / пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с. ISBN 978-5-7598-1009-4.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с. ISBN:1-5578-6616-3, 5-7598-0069-8
5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. ис-

след. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с. ISBN 978-5-7598-0819-0.

6. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии [пер. с фр. Д. Я. Калугина; науч. ред. О. В. Хархордин] / СПб: Изд-во Европейского университета, 2021. – 296 с. SBN 5-94380-049-2

7. Ляликова С.В., Антонов А.И. Социологическое исследование феномена семейного образования // Социально-гуманитарные знания. – 2020. – № 5. – С. 66–70. EDN: ESVONZ

8. Мартьянов Д.С. От сетевой идентичности к политике идентичности в сети Интернет: смена парадигмы? // Вестник СпбГУ. Сер. 6. 2015. Вып. 1. – С. 44–52. EDN: TYFYJS

9. Михайленок О.М., Назаренко А.В. Сетевые сообщества: прошлое и будущее // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 56. – С. 274–284. EDN: OQJLGI. DOI: 10.17223/1998863X/56/24

10. Можейко М.А. От «этики кодекса» к «этике творчества»: трансформация нравственного сознания в современной культуре // Живая этика и наука. – 2008. – № 1. – С. 260–303. EDN: PCBEPR

References:

1. Berger, P, Lukman, T. (1995) Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya. – М.: Medium, 323 p. (In Rus.).ISBN 5-85691-036-2

2. Delez, Zh., Gvattari, F. (2010) Tysiacha plato. Kapitalizm i shizofreniya. – Ekaterinburg, 2010. [per. s fr. Ia. I. Svirskii]; Uchrezhdeniye Rossiiskoi akad. nauk In-t filosofii RAN. Ser. Philosophy, U-Faktoriya. 895 p. (In Rus.).ISBN: 978-5-9757-0527-3, 978-5-271-29213-2.

3. Kastel's, M. (2016) Vlast' kommunikatsii: ucheb. posobie / per. s angl. N. M. Tylevich; pod nauch. red. A. I. Chernykh; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 564 p. (In Rus.).ISBN 978-5-7598-1009-4.

4. Kastel's, M. (2000) Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura: Per. s angl. pod nauch. red. O. I. Shkaratana. – М.: GU VShE, 608 p. (In Rus.). ISBN:1-5578-6616-3, 5-7598-0069-8

5. Latur, B. (2014) Peresborka sotsial'nogo: vvedeniye v aktorno-setevuyu teoriyu/ per. s angl. I. Polonskoi; pod red. S. Gavrilenko; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 384 p. (In Rus.).ISBN 978-5-7598-0819-0.

6. Latur, B. (2021) *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii* [per. s fr. D. Ia. Kalugina; nauch. red. O. V. Kharkhordin] / SPb: Izd-vo Evropeiskogo universiteta, 296 p. (In Rus.).ISBN 5-94380-049-2
7. Lialikova, S.V., Antonov, A.I. (2020) *Sotsiologicheskoe issledovanie fenomena semeinogo obrazovaniia. Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, no. 5. - p. 66-70. (In Rus.).EDN: ESVONZ
8. Mart'ianov, D.S. (2015) *Ot setevoi identichnosti k politike identichnosti v seti Internet: smena paradigmy?* Vestnik SpbGU. Ser. 6. no. 1. p.44-52. (In Rus.).EDN: TYFYSJ
9. Mikhailenok, O.M., Nazarenko, A.V. (2020) *Cetevye soobshchestva: proshloe i budushchee. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiiia. Sotsiologiiia. Politologiiia. No.56. p. 274-284. (In Rus.).EDN: OQJLGI. DOI: 10.17223/1998863X/56/24*
10. Mozheiko, M.A. (2008) *Ot «etiki kodeksa» k «etike tvorchestva»: transformatsiia npravstvennogo soznaniia v sovremennoi kul'ture. Zhivaia etika i nauka. no. 1, p. 260-303. (In Rus.).EDN: PCBEP*

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 12.12.2023

Поступила после рецензирования (Revised) 20.01.2024.

Принята к публикации (Accepted) 29.04.2024.